

О. В. Лукин, Л. Н. Черкасов

Понятия системы и структуры в когнитивной лингвистике и лингводидактике

В статье рассматриваются понятия системы и структуры, которые, по мнению автора, вполне согласуются с когнитивным подходом в лингвистике.

Ключевые слова: связь, оппозиция, качество, свойство, объект, звукотип, экспотип, денотат, десигнат, фонема, экспонема, система, структура, знак.

O. V. Lukin, L. N. Cherkasov

The Notions of System and Structure in Cognitive Linguistics

The article is concerned with problems of system and structure in cognitive linguistics. The author puts out his own ideas on the subject.

Keywords: connection, opposition, quality, property, object, sonotype, expotype, denotation, designation, phoneme, expone, system, structure, sign.

Предлагаем понятийно-терминологический аппарат нашей статьи, продолжающей и развивающей тему системы и структуры, начало которой было положено в статье «Когнитивный и системный подходы в лингвистике», где мы изложили свои взгляды на такие понятия, как «признаки», «качества» и «свойства», а также «предмет» и «объект», «отношение» и «связь» с «оппозицией». В качестве напоминания приводим развернутые дефиниции этих и некоторых других понятий.

Связь – это отношение двух и более объектов по сходству или зависимости. **Оппозиция** – это отношение по различию связанных объектов. **Качества** – существенные признаки предметов, а **свойства** – несущественные. **Объект** – совокупность общих качеств предметов. **Тип** – совокупность общих характеристик предметов. Отличие типа от объекта состоит в том, что выбор его характеристик не исключает субъективизма, тогда как выбор качеств определяется целостностью объекта и поэтому является объективным. В когнитивной лингвистике есть два сложных термина, оканчивающихся на корень «-тип»: «**звукотип**» и «**экспотип**». Первым обозначается совокупность значимых признаков однотипных звуков речи, а вторым – совокупность звукотипов, служащая основой звуковой формы слова.

Что касается объектов обозначения, у них тоже есть свои термины: для обозначения совокупности существенных признаков однотипных материальных предметов используется «**денотат**»,

а для обозначения признаков предметов, их атрибутов, действий, поступков, поведения, отношения к другим предметам, а также событий и явлений предлагается термин «**десигнат**». Денотат – это материальная абстракция, а десигнат – это абстрактные атрибуты денотатов, их действия, состояния и пр. Денотат статичен, а десигнат динамичен.

Лингвистика изучают материальные единицы языка, такие как **звукотип** и **экспотип**, и их ментальные корреляты – образы, которые соответственно называются **фонемами** и **экспонемами**. Последние имеют ассоциативную связь с ментальными образами денотата и десигната и выступают как значения слов. По аналогии с «фонемами» и «экспонемами» ментальный образ денотата назван **денотемой**. Изучение связей и оппозиций между указанными единицами языка является одной из первостепенных задач лингвистики, решаемых с помощью системного подхода, основу которого определяют положения ТЛС о понятиях «система» и «структура».

Понятия системы и структуры

Понятие системы многозначно и включает все явления мира. Естественно, что определение такого широкого понятия должно быть достаточно общим, но в этом случае, как справедливо отмечает П. К. Анохин, общая теория систем не в состоянии служить практическим инструментом исследования в частной и конкретной области. Все формулировки понятия системы, основанные

только на «взаимодействии» и «упорядоченности» компонентов, оказываются сами по себе несостоятельными, потому что нет конкретного критерия упорядоченности. Самое главное при определении системы, считает П. К. Анохин, – это установить конкретные качества системы, системообразующий фактор [1, с. 69–78].

Если общая теория систем разрабатывается достаточно интенсивно, то теориями конкретных систем почти никто не занимается. Во всяком случае, все многочисленные публикации в лингвистической литературе не выходят из руслу общей теории систем. Лингвистическая система в нашем понимании – это система единиц языка, одни из которых являются материальными, а другие – ментальными. Ясно, что такая система довольно сложна уже потому, что ее создают не только гомогенные единицы (когда материальные противопоставлены ментальным), но и гетерогенные (материально-ментальные), причем ментальные находятся то в латентном состоянии (образуя знание), то в активном (участвуя в мышлении и речении), а материальные единицы обладают как речевыми, так и языковыми признаками. С учетом того, что система языка имеет сложную структуру, включающую подсистемы различных типов, которые в то же время должны быть общесистемными, мы понимаем, что определение системы должно быть предельно широким, оставаясь при этом не только теоретическим знанием, но и практическим руководством. Среди существующих определений есть такие, которые сформулированы с учетом специфики языка, но есть и более общие, но недостаточно широкие, чтобы охватить все виды систем. Первые определяют систему как нечто целое, обладающее структурой, которая воплощается в субстанцию для определенных целей [2, с. 30], то есть ограничиваются определением только функциональной системы в исключение всех остальных типов систем. Вторые определяют систему как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов [3], отдавая предпочтение только какому-либо одному виду связи между элементами системы, например, каузальному или функциональному. Этот взгляд на систему, хотя и не всеобщий, не такой уж редкий. Например, А. В. Кравченко прямо заявляет, что «система, не наделенная функцией, – фикция, возможная только как продукт «системосозидающего мышления» [4, с. 154]. Здесь автор перекликается с Гюставом Гийомом, который писал, что «система языка образуется особой взаимосвязью элемен-

тов. Взаимосвязь состоит из последовательности «причина / следствие» [5, с. 201]».

Что касается определения системы как взаимосвязанных элементов, то это, как нам кажется, факт очевидный для всех. Наше определение **системы как совокупности элементов с одной общей связью** основано именно на взаимосвязи элементов. Система не организует элементы, как считал Э. Бенвенист, утверждавший, что система языка организует языковые сущности и доминирует над ними [6, с. 24], а лишь доминирует над ними. Впрочем, степень доминирования систем над своими элементами различна и зависит от типа системы. Уместно заметить, что, согласно ТЛС, системообразующим фактором, объединяющим объекты в систему, является связь, благодаря которой и возникают системы. От типа связи зависит также и тип системы. Например, когда у ребенка появляется денотема {кот} и с ней ассоциируется экспонема /кот/, возникает *функциональная система – ментема /кот/*, со структурой «/кот/ ± {кот}», соответствующая тому, что Ф. де Соссюр считал знаком языка [7, с. 99]. Очевидно, что ментальная структура, описанная автором, еще не знак, это лишь ментальное отображение фрагмента действительности, состоящего из экспотипа [кот] и денотата «кот», но это уже функциональная система из двух элементов, объединенных ассоциативной связью, которая представляет собой единицу знания, когда она находится в латентном состоянии, и единицу мышления, когда она актуализуется (возбуждается).

Подробнее о знаке речь пойдет ниже, а мы остановимся на различии между системами двух типов – функциональной и инвентарной. **Та система элементов, от которой зависят другие системы, является функциональной.** И дополнительное определение: если объекты связаны между собой **зависимостью**, они образуют функциональную систему. Например, экспотип [кот], будучи принят реципиентом, способен возбудить экспонему /кот/, которая, в свою очередь, возбуждает денотеми {кот}. А это значит, что у реципиента появилась мысль {кот}. Если, например, в экспотипе [кот] убрать звукотип [т], то описанный эффект пропадет, из чего следуют выводы, что 1) между экспотипами [к], [о], и [т] существует отношение зависимости, что, следовательно, 2) данные звукотипы образуют функциональную систему, которая 3) имеет признак целостности, которую нарушать нельзя: любое вмешательство в систему ведет к ее элиминации.

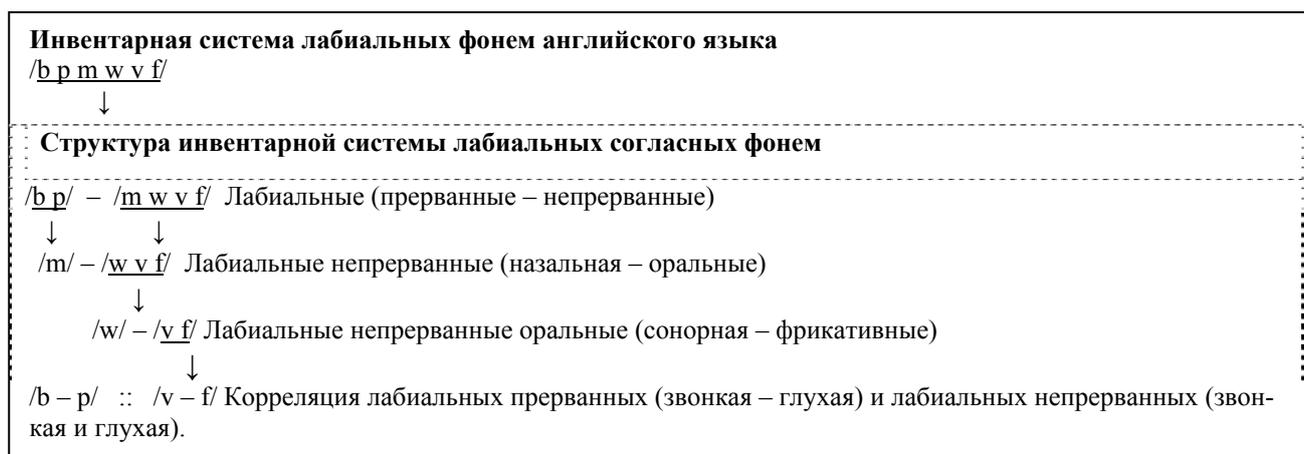
Отсюда вытекает вывод, что функциональность системы можно установить путем изменения ее структуры, причем сделать это можно на любом уровне, как на элементарном (на уровне минимальных элементов), так и на подсистемном. Так, в системе «/[кот] + /кот/ + {кот}» можно заменить звукотип [т] звукотипом [л] или вообще изменить экспотип [кол] на, скажем, [рак], чтобы убедиться в функциональности данной системы, ибо любое изменение ведет к ее исчезновению. Следовательно, в данном случае можно легко удостовериться, что «/[кот] + /кот/ + {кот}» является функциональной системой.

Упомянутая выше ментема «/[кот] + {кот}» проявляет себя только в речи, в том числе и внутренней, под которой мы подразумеваем мышление. Вне речи она переходит в латентное состояние и распадается на элементы /кот/ и {код}, которые находятся в инвентарной системе экспонем и инвентарной системе денотем. Все единицы языка, начиная от фонем и заканчивая денотемами, объединяются в свои собственные инвентарные системы, структура которых определяется только качествами элементов данной системы. Элементы инвентарной системы пассивны, и у них отсутствует такая связь, как зависимость, так что существованию инвентарной системы не угрожают изменения их элементов и отношений между последними. Все инвентарные системы могут пополняться новыми элементами и терять старые, в то время как функциональные системы предельно чувствительны к качественному и количественному изменению своих элементов. По

этим причинам функциональные системы являются закрытыми, а инвентарные – открытыми.

Различие между упомянутыми типами систем удобнее всего иллюстрировать, обратившись к фонологии. Пример функциональных систем был уже приведен – это экспотип [кот] и экспонема /кот/. Пример функциональных систем был уже приведен – это экспотип [кот] и экспонема /кот/. Первый представляет собой материальную абстракцию, а второй как коррелят экспотипа – ментальную. Пример небольшой фонологической инвентарной системы возьмем из английского языка.

Все согласные фонемы, приведенные на схеме, обладают признаком лабиальности, по которому они объединяются в локальную инвентарную систему. Локальной она названа по общей связи, каковой является место их образования, а инвентарной – по своему латентному состоянию, в котором, предположительно, они хранятся в виде ментальных образов, находящихся в нейронах головного мозга. Кроме общей локальной связи, которая является системообразующей, у данных фонем есть и частные связи, по которым они объединяются в подсистемы прерванных/непрерванных, назальных/оральных, сонорных/фрикативных и звонких/глухих. По этим взаимоотношениям двояким признакам данные согласные объединяются в подсистемы, которые по этим же признакам противопоставляются друг другу. По одним признакам противопоставляются две подсистемы, по другим – подсистема противопоставляется отдельной фонеме.

Обращаем внимание на то, что система лабиальных фонем, представленная на первой строчке схемы, является простым перечнем фонем, отграниченным косыми скобками, причем их

общая связь не отмечена ожидаемым знаком «+» между символами. Теоретически, таких плюсов должно быть 5, но это могло бы произвести впечатление множественной связи, тогда как на са-

мом деле связь одна, поэтому плюсы заменены общей чертой, расположенной под символами, что, надеемся, создает впечатление одной общей системообразующей связи.

Под изображением системы расположена схема ее структуры, элементами которой служат те же самые фонемы и их отношения друг с другом (связи и оппозиции). В функциональной лингвистике подобные системы и подсистемы не исследуются, потому что в их основе лежит связь, которая функционалистов не интересует, ибо они изучают лишь отношение по различию, то есть оппозицию. По этой причине исследование ведется в узком спектре двоичных оппозиций, представляющих систему фонем какого-либо языка, скажем, английского (см. например, [8, с. 182–213]). Правда, у Н. С. Трубецкого можно отметить стремление графически передать и наглядно описать структуры, присущие системам фонем, оперируя при этом понятиями «оппозиция», «корреляция», «корреляционный пучок», «локальный, апикальный, палатальный, сибилантный ряд», «треугольная, четырехугольная система», «трехклассная система» [9, с. 73–205], но такие его попытки привлечь внимание к изучению структуры не получили должной поддержки.

Некоторые лингвисты (например, В. М. Солнцев [10]) определяют структуру как совокупность отношений между элементами системы. На первый взгляд, такое определение вполне логично, тем более, что система определена автором как совокупность элементов и их отношений [10, с. 20], но для когнитивной лингвистики такое определение слишком далеко от реальности и потому ничего не дает исследователю: такую совокупность можно получить лишь искусственно, абстрагируясь от субстанции, но в этом случае структура ускользает от исследователя, превращается в ничто, которое, естественно, изучать невозможно. Исследователь, конечно, может установить отношения в системе и дать им названия. Например, в [кот] звукотипы объединены друг с другом и с самим экспотипом отношением зависимости, которое закрепляет их на своих местах. Присутствует в звукотипе и отношение оппозиции, которое в данном случае можно точнее назвать отношением контраста. Нетрудно установить и отношение линейности, а также вероятны и другие отношения, но все они без привязки к материальным элементам не помогут нам понять, в чем, собственно, индивидуальность данной структуры, чем она отличается, например, от

структуры экспотипа [ток]. И такое недоразумение происходит только потому, что мы руководствуемся определением структуры как совокупности отношений между элементами системы. Напрашивается вывод, что абстрагироваться от материальных элементов системы при изучении ее структуры совершенно невозможно. Даже теоретически. По этой причине мы и не принимаем вышеизложенные определения системы и структуры. Как напоминание, повторяем наши дефиниции.

Система – это совокупность элементов с одной общей связью, а структура – это та же самая совокупность элементов, но с добавлением частных отношений между ними, уже не только связей, но и других отношений, например, оппозиций. Например, экспотип [кот] и экспонема /кот/ имеют внутреннюю частную связь (коррелятивную), и внешнюю частную связь, которая осуществляется органами восприятия; экспонема /кот/ и денотема {кот} имеют внешнюю (ассоциативную) связь. Все эти элементы скрепляются общей функциональной связью, создающей из них семасиологическую часть слова. Все это мы установили, руководствуясь приведенными определениями системы и структуры.

Приведем еще одну проверку действенности положений ТЛС, на этот раз на более широком материале, касающемся проблемы знака.

Впервые понятие знака в лингвистической литературе было предложено Соссюром в ясной и непротиворечивой формулировке: знак – это идеальная двухсторонняя сущность, включающая в себя означающее и означаемое. Первое является отражением предмета, символизирующего знак, а второе представляет собой значение знака [7]. Однако с прекращением влияния психологии на языкознание понятие знака было пересмотрено: означающим знака стали считать его материальный экспотип, а означаемым знака – конвенциональное значение, приписываемое знаку (в данной статье это денотема). Таким образом, знак потерял свою гоморганность и стал гетероганной сущностью с материальным экспонентом и идеальным значением. Об акустическом образе Соссюра было забыто, хотя изучение его в языкознании продолжается.

В философии знак определяется как материальный объект, соответствующий нашему экспотипу. Это так называемая унилатеральная концепция знака, кроме которой существует еще и билатеральная концепция, против которой неоднократно высказывались унилатералисты. Один

из них, философ А. А. Ветров, писал: «Посылка, из которой исходят защитники двусторонней природы знака, <...> верна: знак действительно является знаком потому, что он обладает значением. Но из этого отнюдь не следует, что знак есть комбинация, есть целое, состоящее из двух элементов. Разве из того, что, например, владелец сада есть человек, обладающий садом, следует, что владелец сада представляет собою двустороннюю сущность, а именно человек плюс сад? <...>

Чуть далее А. А. Ветров приходит к следующему заключению: «Таким образом, признавать, что знак может быть знаком лишь благодаря значению, совсем не означает признавать, что знак состоит из двух элементов: формы и содержания. Но тем самым отпадает единственный аргумент в пользу двусторонней природы знака [12, с. 47–48]».

Как ясно из приведенного материала, автор считает, что знак должен быть материальным целостным объектом, таким, как звуковая форма слова. Мысль о том, что знак может состоять из двух несовместимых частей, была для него совершенно неприемлема. Тем не менее, рассмотрим билатеральную концепцию знака с точки зрения ТЛС. Аналогия между знаком и его значением, с одной стороны, и человеком (владельцем сада) и его садом – с другой, с точки зрения системного подхода не выдерживает никакой критики, потому что между экспотипом [кот] и ментальными элементами слова «кот» существует функциональное отношение, а между садовладельцем и его садом отношение совсем другого типа – собственности. Если исчезнет денотат {кот}, то экспотип [кот] выйдет из употребления, а если исчезнет сад, то человек, владевший им, перестанет быть садовладельцем и только. Никаких других последствий для него не последует. Но слово «садовладелец» на является элементом обсуждаемой системы, оно лишь обозначает человека, владеющего садом, а элементом системы выступает человек, который не исчезает после элиминации сада. Это явный признак суммативной собственнической системы, а не целостной функциональной системы, каковой является знак. Автор как бы осознал это, о чем свидетельствует его утверждение, что «быть знаком» – соотносительное свойство некоторого предмета, присущее ему при условии, что он обладает значением. Вне отношения к значению знака не существует», тем не менее, он делает совершенно неподобающий вывод: «Но знаком-то является сам предмет, а не предмет плюс его значение».

Если с этим утверждением согласиться, то придется подыскивать новое слово для обозначения целого, состоящего из экспотипа, экспонемы и денотемы.

Библиографический список

1. Анохин, П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем [Текст] / П. К. Анохин // Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука. 1978. – 400 с. – С. 49–106.
2. Кубрякова, Е. С. [Текст] / Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука. – С. 8–91.
3. Мельничук, А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма [Текст] / А. С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 27.
4. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка [Текст] / А. В. Кравченко // Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
5. Гийом, Гюстав. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Гюстав Гийом // Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
6. Бенвенист, Эмиль. Общая лингвистика [Текст] / Эмиль Бенвенист // Общая лингвистика, изд. 2-е, стереотип. – М.: Изд-во Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
7. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–274.
8. Vassilyev V. A. English Phonetics. A Theoretical Course [Текст] / V. A. Vassilyev // English Phonetics. A Theoretical Course. – М.: Изд-во Высшая школа, 1970. – 323 с.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой // Основы фонологии. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 372 с.
10. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев // Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 444 с.
11. Реформатский, А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия [Текст] / А. А. Реформатский // Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М.: Изд-во Наука, 1970. – 528 с.
12. Ветров, А. А. Семиотика и ее основные проблемы [Текст] / А. А. Ветров. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – 160 с.